

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Все материалы о П.А.Кропоткине и ссылки на его тексты:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kropot>

Кропоткин — историк Великой французской революции

Россия, и особенно прогрессивная, революционная Россия XIX в., была исключительно богата людьми выдающихся талантов, огромной умственной энергии, высокой нравственности и величайшей готовности к самопожертвованию во имя своих идеалов. В блестящем созвездии этих людей имя Петра Алексеевича Кропоткина занимает достойное место.

Князь, принадлежавший к старинной дворянской семье, шедшей от Рюриковичей, сын генерала, внук сибирского генерал-губернатора, он еще в детстве обратил на себя благосклонное внимание Николая I, а затем и Александра II, у которого он был камер-пажом. По окончании пажеского корпуса его ожидала блестящая будущность: «в придворных кругах много говорили о моих способностях, о моих дарованиях»¹. Но Кропоткин пренебрег всем этим и, к всеобщему изумлению, отправился простым казачьим офицером в Сибирь. Здесь он быстро разочаровывается в административной деятельности на благо народа, о которой он мечтал, покидая Петербург — дело происходило через год после 19 февраля 1861 г., — но зато нашел себя в науке.

Сперва путешественник-первооткрыватель по долгу службы, Кропоткин становится постепенно блестящим географом. Его исследования об орографии Сибири, раскрытие основных черт строения нагорной Азии, а затем — после возвращения в 1867 г. в Петербург — исследования и замечательные, «величественные», по его собственному выражению, гипотезы о ледниковом периоде навсегда вписывают имя Кропоткина в историю русской и мировой географической науки. Ему едва минуло 30 лет, как его уже прочат в секретари Российского географического общества, переживавшего тогда полосу замечательного расцвета. Хотя научные открытия доставляют Кропоткину величайшую радость, его уже мучает нравственная проб-

лема: какое право имеет он «на все эти высшие радости, когда вокруг... гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба»².

После короткого пребывания в Швейцарии, где, к сожалению, он подпадает — навсегда! — под влияние идей бакунистской Юрской федерации Первого Интернационала, он возвращается в Россию убежденным социалистом. В течение двух лет (1872—1874) он ведет двойное существование — с всенарастающим успехом князь Кропоткин продолжает свои исследования в Географическом обществе и в то же время примыкает к «чайковцам» и под именем Левашова занимается нелегальной пропагандой среди петерских рабочих. Он попадает в среду «идеально чистых и нравственно выдающихся людей... тесно сплоченных для общей цели», чьи «взаимные отношения были проникнуты... глубокой любовью к человечеству»³.

Во имя этой любви Кропоткин отказывается от своей научной карьеры. В 1874 г. он попадает в тюрьму, в 1876 г. совершает поразительно смелый побег и попадает за границу, где опять ведет революционную деятельность, которая стоит ему четырехлетнего пребывания на этот раз во французских тюрьмах, после чего его высылают из Франции. Он поселяется в Лондоне, так и не став ученым-профессионалом, и отдает всю свою жизнь служению революции, правда своеобразно понимая ее пути и задачи. Только в 1917 г., после Февральской революции, уже глубоким стариком, он возвращается на родину.

Когда же и как Кропоткин становится исследователем и историком Великой французской революции? Это непосредственно связано с его революционной, народнической деятельностью. Почти все мемуаристы, писавшие о деятельности Кропоткина, отмечают, что среди «чайковцев» он был на крайне левом крыле, «гораздо более крайнем, чем большинство его товарищей»⁴. Особенно интересно свидетельство Н. А. Чарушина, вспоминая, что Кропоткин, настроенный «весьма воинственно», предлагал и горячо защищал «идею организации боевых крестьянских дружин для открытых крестьянских выступлений, чтобы они своей кровью лучше запечатлели в уме и сердце народа эти проявления народного протеста и таким путем посте-

² Там же, с. 227.

³ Там же, с. 278.

⁴ Лукашевич А. О. В народ. — Былое, 1907, № 3/(15), с. 10.

¹ Кропоткин П. Записки революционера под ред. и с предисл. В. А. Твардовской. М., 1966, с. 165.

ленно революционизировали массы»⁵. Уже тогда, не позднее чем к середине 70-х годов, задумываясь над тем, как развивались и побеждали революции в Европе, Кропоткин с особым интересом отнесся к «крестьянским бунтам», предшествовавшим и сопутствовавшим Великой французской революции.

Правда, его позиция, его оценка этих бунтов и их роли не встречали общей поддержки. Кропоткин сам вспоминает о тех сомнениях, которые выражал по этому поводу его брат Александр, которого сам Петр Алексеевич высоко ценил: «Не понимаю, как можешь ты верить в возможность революции в России, особенно крестьянской... Крестьянское восстание с его крайностями, а подчас и неизбежными зверствами не привлекали его. Он не верил в революционные инстинкты крестьянства»⁶. Но Александр Кропоткин, при всей прогрессивности его взглядов, не был все же революционером; взгляды же П. А. Кропоткина на роль крестьянских восстаний вызвали сомнения и среди его ближайших единомышленников, особенно во второй половине 70-х годов, когда на первый план для них выступил политический террор. Летом 1899 г. Кропоткин писал: «Я глубоко убежден, что в настоящую минуту для России необходимо *крестьянское восстание* как единственный исход из теперешнего положения. Но и теперь, *как двадцать пять лет назад* (курсив наш. — В. Д.), в интеллигентной молодежи не находится никого, кто бы пропитался теми же мыслями. Теперь все взоры обращены на немецкую социал-демократию, успехи которой сильно преувеличиваются в России...»⁷. Эту последнюю часть фразы следует отнести за счет неискоренимой — увы! — неприязни Кропоткина к марксизму и выросшей под его влиянием германской социал-демократии. Но указание на «двадцать пять лет» — т. е. на 1874 г. — говорит о том, что и в то время его оценка роли крестьянских восстаний встречала возражения даже среди ближайших единомышленников⁸.

Но Кропоткину было свойственно упорство — и даже упрямство, в чем его упрекали, как мы еще увидим, даже некоторые его ближайшие друзья. Он продолжал отстаивать свои взгляды, глубоко убежденный в своей правоте. Как только после побега и последующих преследований за рубежом он на короткое время оказался в спокойной обстановке, Кропоткин, по его собственному рассказу, немедленно вернулся к так занимавшей его теме: «В этот раз (в 1877 г. — В. Д.) я опять недолго оставался в Лондоне. По богатым материалам Британского музея я принялся за изучение французской революции, именно, как зачинаются революции»⁹.

Революционное нетерпение скоро прервало эти занятия — Кропоткин снова отправился в Швейцарию (где он, по-видимому, стал членом центра бывшего бакунистского Альянса). Но как только он очутился в 1879 г. в Париже и на квартире П. Л. Лаврова встретился с Н. И. Кареевым, закончившим тогда свою магистерскую диссертацию о крестьянском вопросе во Франции XVIII в. (получившую, как известно, весьма высокую оценку Маркса и Энгельса), он сразу заговорил о так интересовавшей его теме. По воспоминаниям Кареева, Кропоткин выяснял у него «подробности о французском национальном архиве, строил свои расчеты сам там поработать»¹⁰.

Этим расчетам никогда не суждено было сбыться: в 1882—1886 гг. Кропоткин оказался в тюрьме Клерво, и после этого «навсегда» был изгнан из Франции. Но он успел изучить книгу Кареева, а самое главное, ознакомился с выходившими тогда томами Тэна — «Происхождение современной Франции». Хотя в своих заметках о Тэне он и писал, что это историк «вполне враждебный если не самой революции, то формам, в которые она... вылилась», но именно у Тэна с его описанием «шести жакерий» он нашел полное подтверждение своей точки зрения о роли крестьянских восстаний во французской революции. И Кропоткин с торжеством записал в результате чтения Тэна: «Театральная... сторона революции уже теряет для вас интерес... После Тэна формальная история революции уже

ным образом среди крестьян для приготовления крестьянского восстания» (Там же, с. 348).

⁹ Там же, с. 370.

¹⁰ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. — Рукописный отдел Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 119, карт. 44, д. 12, с. 26. (Любезно сообщено Е. В. Старостиным.)

⁵ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1926, ч. 1; см. также: Твардовская В. А. Предисловие. — В кн.: Кропоткин П. Записки революционера, с. 16.

⁶ Кропоткин П. Записки революционера, с. 307.

⁷ Там же, с. 349.

⁸ «Впоследствии, когда русское революционное движение стало разговором и превратилось в революционную борьбу, всякая мысль о народном движении роковым образом была оставлена. Я же считал, что революционная агитация должна вестись глав-

невозможна. Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период»¹¹. Эта запись сделана в 1878 г., и в ней содержится уже вся идея его труда, вышедшего лишь тридцать лет спустя.

* * *

Только в 1886 г., когда Кропоткин — после 10 лет революционной деятельности за рубежом и нового тюремного заключения — поселился в Лондоне (на 30 лет!), он получил возможность вернуться к истории революции. В 1889 г., к ее столетию, он публикует статьи и печатает свою первую, пока небольшую брошюру о Великой революции. Мы не будем останавливаться на последующих 20 годах работы Кропоткина над историей революции — они освещаются в превосходной диссертации Е. В. Старостина, к сожалению, оставшейся в рукописи, «Источники о жизни и деятельности П. А. Кропоткина» (1972), где этому вопросу посвящена специальная глава¹². Мы дополним только это ценное исследование некоторыми любопытными данными о творческой истории кропоткинской книги и спорах, ею вызванных, извлеченными из переписки Кропоткина с его ближайшим другом Джемсом Гильомом, сохранившейся в личном архиве Кропоткина¹³.

Знакомство Кропоткина с Дж. Гильомом, руководителем Юрской федерации Интернационала, состоялось еще во время первой поездки Петра Алексеевича в Швейцарию. Уже тогда Гильом произвел на него сильное впечатление, и впоследствии в своих «Записках революционера» он охарактеризовал его как одного из наиболее умных и широко образованных людей, которых он когда-либо встречал¹⁴. Именно Гильом, исключенный вместе с Бакуниным на Гаагском конгрессе 1872 г. из Интернационала, больше других внушил Кропоткину ту неприязнь к марксизму, которую тот сохранил на всю жизнь. В 1878 г. из-за пре-

следований Гильом покинул Швейцарию и поселился в Париже. На протяжении 20 лет он не занимался политической деятельностью и вернулся к ней только в начале XX в.¹⁵ Но за эти годы Гильом углубился в историю французской революции, очень сблизился с А. Оларом, издал в нескольких томах документы Законодательного собрания и Конвента в области народного просвещения, опубликовал ряд статей, составивших впоследствии двухтомник «*Etudes révolutionnaires*». В конце 90-х годов Гильом пережил психическое заболевание и только в 1901 г. возобновил свои дружеские связи с Кропоткиным.

Их оживленная переписка очень скоро коснулась проблем истории революции. Так, уже в 1902 г. Гильом писал своему другу: «Если у тебя есть время и желание прочесть великолепную историю революции, единственную, которую можно рекомендовать, потому что это единственный труд, который уделяет место — и притом главное место — экономической истории, истории взаимоотношений труда и капитала, то я обращаю твое внимание на тома Жореса, которые открывают эту серию («Социалистической истории». — В. Д.). . . Уже вышло два тома... третий появится в январе, как сообщает мне Жорес». Гильом при этом привел отзыв Олара, который считал труд Жореса «самым обширным, самым прекрасным, самым солидным из всех памятников, воздвигнутых в честь французской революции» (21)¹⁶.

Вполне естественно, что в 1903 г., когда Кропоткин начал печатание серии своих статей по истории революции в анархистском двухнедельнике «*Les Temps Nouveaux*», издававшемся Жаном Гравом, — эта серия была закончена печатанием только в 1906 г. — Гильом сразу же обратил на нее внимание. Однако в первом же письме чувствуется не удовлетворение, а тревога по поводу того, что Кропоткин обратился к этой теме. Гильом, считавшийся уже серьезным специалистом в этой области, явно боялся, что выступление Кропоткина будет носить дилетантский характер. «Я немного напуган, — писал он, прочитав первую статью, — что ты вступаешь на эту столь еще мало изведанную почву истории революции. В естественных

¹¹ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 982, с. 8; см. также: *Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793*. М., 1979, с. 454—460.

¹² См. также: *Старостин Е. В.* К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой французской революции. — В кн.: *Французский ежегодник*, 1967. М., 1968.

¹³ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, ед. хр. 950. (В дальнейшем все ссылки на этот фонд даются в тексте с указанием страниц.)

¹⁴ *Кропоткин П.* Записки революционера, с. 257.

¹⁵ См. нашу статью «Бакунист в двадцатом столетии» в кн.: *Французский ежегодник*, 1971. М., 1973.

¹⁶ Кропоткин, кстати, в своем труде неоднократно ссылается на труд Жореса и дает ему высокую оценку.

науках ты у себя дома, ты можешь выступать с полным знанием дела, которое ты всерьез изучал; ты не рискуешь скомпрометировать свою аргументацию каким-нибудь промахом (*par quelque bévue*). Но в этой не изведенной им области Кропоткин легко мог совершить такой промах. Гильом призывал поэтому воздерживаться от доисков аргументов в пользу какой-нибудь теории: «История революции еще не написана... нужно воздержаться от обобщений» (42—43). Право на широкие обобщения дано, по его мнению, только историкам такого калибра, как Мишле, Луи Блан, Кине.

«Общее замечание,— возвращается к этому вопросу Гильом в письме от 15 июля 1905 г.,— у тебя есть теория и ты ищешь факты, которые ты группируешь, чтобы подтвердить свою теорию. У меня в вопросах Французской революции нет никакой теории, я ищу только факты... до сих пор малоизвестные или же вовсе неизвестные, и не беспокоюсь о том, что из этого выйдет» (81). Этой тревогой из-за того, что Кропоткин занялся малознакомой ему темой и может допустить какой-нибудь непростительный промах, проникнуты письма Гильома на протяжении нескольких лет, пока Кропоткин готовил свою книгу и затем знакомил с ней Гильома. Сперва он призывал поменьше обобщать: «Обобщая и все расширяя книгу,— к чему у тебя такая ясная тенденция,— ты рискуешь оказаться в противоречии с действительностью, с упрямыми фактами (*the stubborn facts*), а этого надо избежать» (132).

Но когда статьи в «*Les Temps Nouveaux*» были закончены печатанием и Кропоткин приступил к подготовке своей книги, Гильом стал призывать только к одному — ограничиться перепечаткой серии статей, изложением «философии революции». Больше всего он боялся расширения книги, связанного с возможностью фактических ошибок: «Основой книги должен быть не пересказ фактов, а философия истории революции; эта философия является темой, нужно сохранить за ней полную оригинальность» (109). Соглашаясь поэтому выполнить просьбу Кропоткина и прочитав его рукопись, он оговаривался, что не будет ни в чем касаться этой «философии», он ограничится только исправлением фактических ошибок. Он надеялся, что при этом между ними «не возникнет никаких споров» (109). Гильом ошибся! Споры возникли, и, как мы увидим, достаточно серьезные.

Читая рукопись и оценивая ее как «превосходную», Гильом действительно обнаружил ряд промахов, которые Кропоткиным были охотно исправлены. Так, он указал, что «кордельберским трио» называли вовсе не Дангона, Марата, Робеспьера, как думал Кропоткин, а троих крайне левых депутатов Законодательного собрания — Шабо, Базира и Мерлена из Тионвиля (110). Гильом исправил и ошибку о «бешеных» — они никогда не входили в состав Горы; слово «Гора» относится только к депутатам Конвента; никто из «бешеных» не был гильотинирован (132). Не было никакого «заговора» для установления диктатуры Робеспьера. Идею диктатуры защищал только Марат. Робеспьер ее не разделял. «Он не был государственным человеком... по словам г-жи Жюльен, он так же мало способен был стать вождем партии, как раскусить зубами луну» (161). Все, чего добивались Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон накануне 9 термидора,— это было частичное обновление Комитета общественного спасения.

В этой сравнительно спокойной по тону переписке уже в декабре 1907 г. прозвучала тревожная нота — предвестник будущей схватки. В этом году вышла книга Олара против Тэна. Гильом, очень близкий к Олару, отозвался о книге весьма положительно: «Не все в его критике имеет одинаковую ценность, и у него иногда заметно педанство, но в основном он прав» (150). Но на книгу Олара сейчас же отозвался Гюстав Руане¹⁷, социалист-реформист, знаток истории революции, подчеркнувший, что «анархисты, чтобы оправдать свою тактику частичных выступлений, ссылаются на крестьянские жакерии, которые существовали только в мозгу у Тэна, их излюбленного историка». Этот явный намек на Кропоткина сразу взволновал Гильома, который поспешил призвать своего друга к отказу от Тэна, которого уже с 70-х годов, как мы видели, так высоко ценил Кропоткин, и именно из-за его «жакерий». «Я давно уже тебя предупреждал,— писал Гильом в декабре 1907 г.,— что Тэн абсолютно скомпрометирован как историк и что ссылаться на его мнение и его мнимые труды — значит компрометировать самого себя. Поэтому я

¹⁷ Г. Руане был вице-президентом Общества робеспьеристских исследований, созданного А. Матьезом, и на столбцах журнала общества (тогда называвшегося «*Annales Révolutionnaires*») напечатал серию статей о Робеспьере.

надеюсь, что в своем труде ты абсолютно не будешь опираться на Тэна» (148). Но Кропоткин никак не мог согласиться с этим советом. Отказ от упоминания «крестьянских жакерий» означал бы отказ Кропоткина от одной из основных идей его книги. Вот почему в своей книге он, несмотря на советы Гильома, на Тэна все же сослался.

Новое разногласие возникло в связи с намерением Кропоткина расширить рамки своей книги и подробно осветить историю II года. Это вызвало решительные возражения Гильома. «Ты уже изменил свой план. Ты хочешь охватить всю историю революции, а не только начало крестьянских движений (именно такой план изложил, очевидно, Кропоткин в одном из не дошедших до нас писем к Гильому. — В. Д.). И ты начал изучать 1793, 1794 и 1795 гг., о которых до сих пор ты имел только самое общее представление. Для тебя с точки зрения твоего личного образования это было очень полезно, но дало ли это тебе право на изложение этой столь запутанной истории 1793 и 1794 гг.?» (353). Этот период нужно изучать «день за днем по документам... Собираясь стать рассказчиком событий, ты легкомысленно подставляешь себя под стрелы критики некоторых специалистов, которые упрекнут тебя в том, что ты не знаешь того, что знают они, и на этом основании подвергнут сомнению все твои социальные выводы» (Там же).

«Я содрогаюсь, — писал Гильом уже в 1908 г., — когда вижу, что ты собираешься в путь, усеянный западнями. И ты идешь со смелостью человека, который и не ведает о тех опасностях, которые его ожидают. Было бы лучше, если бы твоя книга представляла собой только сборник журнальных статей без попытки изложения событий. Я боюсь, что это не увеличит значение книги, а только его умалит» (161). В ответ на возражение Кропоткина, что он «должен говорить об этом периоде», Гильом предложил ограничиться главой в 25—30 страниц, «философией истории Конвента», по ни в коем случае не подробным изложением на 300 страницах (174). «Я снова тебе повторяю, — подчеркивал Гильом, — твоя общая точка зрения представляется мне правильной, но изложение фактов — и это было неизбежно — грешит фрагментарностью, непоследовательностью, бессвязностью» (166); «Ты должен изложить свою точку зрения, дать свое личное мнение, а не пытаться давать детальное изложение» (174). В известной мере Кро-

поткин этим советам внял: часть книги, излагающая события после 31 мая — 2 июня, значительно короче всех остальных ее частей.

Когда, наконец, книга пошла в типографию, встал вопрос о предисловии. У Кропоткина мелькнула мысль обратиться за предисловием к Анатолию Франсу: очевидно, между ними были раньше какие-то связи. Гильом решительно это отсоветовал. «Анатоль, — пишет он, — стал полнейшим скептиком. Когда-то его скепсис носил какой-то светлый характер, теперь он преисполнен грусти». Гильом прочел «Остров пингвинов»: «Ты и он антиподы; твой решительный оптимизм находится в полном противоречии с его горьким и ироническим отрицанием» (174). Кропоткин последовал совету Гильома — книга вышла без всяких предисловий в апреле 1909 г. в издательстве Стока. Гильом рекомендовал издателю послать ее Олару и Жоресу.

Книга имела большой успех — почти одновременно она вышла на английском и немецком языках¹⁸. А. М. Горький настаивал на ее русском издании, но из опасения перед «старомодной старой дурой», перед царской цензурой, от этого пришлось отказаться¹⁹. В 1911 г. появилось и итальянское издание²⁰.

* * *

Опасения Гильома, что в книге Кропоткина скажется его дилетантизм как историка, не оправдались. Такой серьезнейший историк революции, как Альфонс Олар, в рецензии на книгу, опубликованной в «*Révolution française*», очень положительно отозвался о ней: «Недавно вышедшая книга г-на П. Кропоткина *очень серьезная, очень умная и очень содержательная по части фактов и идей* (курсив наш. — В. Д.). . . . Весьма поучительно посмотреть на революцию глазами Кропоткина»²¹. Ценность

¹⁸ Немецкий перевод, по-видимому, был мало удачным. Н. И. Кареев тогда же обратил внимание на то, что термин «санкюлоты» был переведен «ohne Hosen» — «бесштаники» в полном противоречии с подлинным смыслом слова (см.: Кареев Н. И. Новая книга по истории Французской революции. — Русское богатство, 1910, № 9, с. 138).

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1129, оп. 3, д. 542.

²⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 580/30.

²¹ La Révolution française, 1909, vol. 3, p. 272—276.

книги признавал и такой серьезный историк, как Ф. Саньяк.

Несколько более строго, с «профессиональной» точки зрения, отнесшийся к книге Н. И. Кареев в своей большой статье, появившейся в «Русском богатстве», тоже отмечал достоинства Кропоткина как «добросовестного исследователя». «Наш автор, — писал он, — знаком с главной литературой по истории революции, и в частности там, где ему приходится затрагивать ее политическую сторону; он хорошо осведомлен относительно работ такого историка, как Олар. Не была им оставлена без внимания и литература по частным вопросам; я даже мог бы в доказательство этого сослаться на списки в несколько десятков сочинений, на которые ссылается автор»²².

Уже в советский период такой прекрасный знаток истории революции, как Н. М. Лукин, подвергнув критике некоторые положения Кропоткина, указывал, что «книга Кропоткина (ее русское издание.— В. Д.) имеет ряд неоспоримых достоинств. Прежде всего она знакомит русского читателя с ценным и свежим материалом по истории Конвента, правда уже использованным Жоресом в III и IV томах его «Histoire socialiste», но пока еще недоступным для не знающих французского языка»²³. Уже в наши дни Ричард Кобб назвал Кропоткина «самым пронзительным» из всех историков революции²⁴.

Все эти отзывы достаточно убедительны. Конечно, крупнейшим достоинством книги, которое привлекало и будет привлекать к ней читателей, является поразительная увлеченность, с которой она написана. Недаром, по крайней мере, на протяжении 30 лет эта тема владела вниманием Петра Алексеевича. Уже в годы Октябрьской революции Кропоткин сделал по этому вопросу ценнейшее признание. Он писал своей племяннице Е. Н. Половцевой: «То, что я уже пережил раз такую же разруху, когда писал историю французской революции — а ты знаешь, как живо, *вещественно я представляю себе то, о чем пишу*, — спасает меня от пессимизма. Я вижу сквозь эту разруху

новый просвет для всей современной цивилизации» (курсив наш.— В. Д.)²⁵.

Эта необыкновенная увлеченность историка не могла не подкупать и даже волновать его читателей. Но это несколько не отразилось на научной обоснованности книги. Олар был совершенно прав, когда охарактеризовал ее как «серьезный» и «очень содержательный» труд.

Как это уже признал Н. И. Кареев, «главная литература» по истории революции была изучена Кропоткиным в совершенстве. Из книги видно знакомство со всеми «классическими» трудами Минье, Тьера, Бюше и Ру, Ламартина, Луи Блана (которого Кропоткин ценит, хотя и критикует его «робеспьеризм»), Токвиля, Кине, Мишле (его он предпочитает всем остальным историкам), уже упомянутого Тэна. Чрезвычайно внимательно следил Кропоткин за всей литературой, выходящей в конце XIX и начале XX столетия. Он часто ссылается на Олара и Жореса: работы обоих он высоко ценил. В книге есть ссылки на А. Сореля, на Ф. Саньяка («Гражданское законодательство французской революции»), на «Lundis révolutionnaires» Ж. Авенеля (книгу, которую внимательнейшим образом проконспектировал Маркс в последние годы своей жизни), на работы Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого. Кропоткина особенно интересовали парижские секции — он сразу поэтому обратил внимание на книгу Э. Мелье о секциях, вышедшую в 1898 г., очень ее похвалил и широко использовал. Работа Ф. Брэша «La Commune du 10 août» вышла уже тогда, когда книга Кропоткина находилась в печати, но автор успел еще отметить ее в сноске, охарактеризовав как «замечательную работу».

Из парижских газет за годы революции Кропоткин ссылается на «Moniteur», на газету Лустало «Les révolutions de Paris», на газету Камилла Демулена «Les révolutions de France et de Brabant», на «Courrier Français», «Mercure de France», «Chronique de Paris», «Annales Patriotiques» (правда, некоторые газеты он цитирует из вторых рук, иногда из публикаций Олара). Очень внимательно изучал он маратовский «L'Ami du peuple». Говоря о Марате, он ссылается на редкую книгу о нем «маратолюба», его лучшего библиографа — плотника Шевремона (эту книгу ценил и Энгельс). Кстати, Марату Кропоткин придавал очень большое значение и из всего, как он говорил, «три-

²² Кареев Н. Новая книга по истории французской революции. — Русское богатство, 1910, № 9, с. 134; см. также: Он же. Историки Французской революции. М., 1924, т. 3. Изучение Французской революции вне Франции, с. 267—293.

²³ Лукин Н. М. Избр. труды. М., 1960, т. 1, с. 482.

²⁴ Cobb R. Les armées révolutionnaires. Paris, 1960, vol. 1, p. 13, note 57.

²⁵ РО ГБЛ, ф. 520, д. 87, л. 24 (цит. по дис. Е. В. Старостина, с. 59).

умвирата» крупнейших руководителей якобинцев — Дантона, Робеспьера и Марата — он отдавал предпочтение этому последнему. Н. И. Кареев считал даже, что эта «реабилитация Марата составляет наиболее слабую сторону этой книги»²⁶. В своих высказываниях об Эбере и эбертистах, к которым Кропоткин относился весьма критически, отмечая бедность их идей, он пользуется работой об эбертистах Тридона, притом в редком издании «Oeuvres diverses».

Кропоткин тщательно изучал все печатные издания первоисточников (в частности, оларовские многотомные публикации «Актов Комитета общественного спасения» и протоколов Якобинского клуба). Особенно охотно он цитирует произведения, вышедшие в годы революции, как, например, одну из первых историй революции «Двух друзей революции» («Deux amis de la Révolution» — под этим псевдонимом выступили Ж. Керверсо и Ж. Клавен). Книги эти изучал и Маркс; они имелись в его библиотеке²⁷. Внимание Кропоткина привлекла брошюра «Les fléaux de l'agriculture», вышедшая в 1789 г. и тогда же прочитанная Бабефом, когда он писал свой «Постоянный кадастр». Изучая «сентябрьские дни» 1792 г., Кропоткин использовал редчайшие брошюры Меэ де ла Туша (Фельмези) Матона де ла Варенна (вышедшую в 1806 г.), двухтомную книгу реакционного журналиста Пелтье, вышедшую в Лондоне²⁸, и т. д.

Кропоткин пользовался семитомной публикацией («особенно прекрасной», как он отметил) С. Лакруа (Кржыжановского) «Les actes de la Commune», двухтомным изданием Лерро, вышедшим в 1837 г., «La Révolution telle qu'elle est. Correspondance du Comité de Salut Public avec ses généraux». Он ссылается также на переписку Людовика XVI и Марии-Антуанетты, изданную в 1864 г. Фейе де Коншем, и переписку шведского атташе Ферзена, близкого друга королевы, опубликованную в 1877 г. Он цитирует «чрезвычайно интересные письма молодого Жю-

льена», изданные Лакруа («Une mission en Vendée») и корреспонденцию его матери.

Само собой разумеется, Кропоткин довольно интенсивно использовал мемуары — чаще других в его книге цитируются воспоминания Байи (мэра Парижа), Бюзо, Бодо (изданные в 90-х годах женой Кине), Луве, Тибодо, Шометта, опубликованные в 1893 г. Оларом. Шометт пользовался особой симпатией Кропоткина в отличие от Эбера.

Кропоткина еще с 70-х годов, как мы помним, особенно интересовали крестьянские движения. Лишенный возможности работать во французских архивах, он с тем большей настойчивостью изучал монографии, посвященные локальной истории. Среди использованных им работ назовем десяти томную историю Лангедока Вика и Весетта (вышедшую в 1840—1846 гг.), четырехтомную политическую историю юга Франции Мари-Лафона (1842—1845), шеститомную «Историю революции в департаментах бывшей Бретани» Дюшателье (1836), книгу Э. Клерка «Опыт истории Франш-Конте» (1870), «Историю Оверни» Дюлора, «Историю города Кастра» А. Комба (1875), «Историю Лимузена» Леймари, истории Эльзаса Рейсса и Штробеля (1881), «Mémoire sur la marche des brigandages dans le Dauphiné en 1789» Ру, «Историю монархических заговоров на Юге» Доде, «Историю Берри» Рейналя и т. д.³⁰

Чрезвычайно важным источником для книги Кропоткина явились обширнейшие коллекции по истории революции в Британском музее. Следует отметить, что ни один из русских историков революции этими коллекциями не пользовался. Кропоткин изучал их с большой тщательностью. Достаточно указать, что только для описания резни в Нанси (в октябре 1790 г.), учиненной над солдатами возмущившегося швейцарского полка Château-Vieux генералом Буйе при содействии парижской национальной гвардии и Лафайета, он изучил пять фолиантов в Британском музее. Для описания бегства короля в Варенн он

²⁶ См.: Кареев Н. И. Историки французской революции, т. 3, с. 290. Кареев писал по этому поводу: «Вся эта реабилитация Марата составляет довольно-таки сильно бросающуюся в глаза черту всей книги, едва ли, однако, имеющую хоть какую-нибудь убедительность» (Русское богатство, 1910, № 10, с. 121).

²⁷ См.: Далин В. М., Пепомнящая Н. И. Исторические книги в библиотеке Маркса. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968, с. 608.

²⁸ Peltier J. G. Dernier tableau de Paris ou récit historique de la Révolution du 10 août. Londres, 1792—1793, vol. I, II.

²⁹ Сейчас этот архив Марка-Антуана Жюльена находится в ЦПА ИМЛ и подвергается интенсивному изучению советских историков.

³⁰ Среди цитированных Кропоткиным книг отметим также работы Шассена о парижских наказах и «Гений революции» (1863) историю 14 июля, составленную Фламмермоном, книгу Р. Штурма о финансах старого порядка, Семишона и Дроза о царствовании Людовика XVI, Гранье де Кассаньяка о жирондистах (1860) и т. д.

нашел крохотную (в 7 страниц) книжку, содержащую ценные донесения командира седьмого батальона 2-й дивизии о задержании Людовика XVI. Чтобы обнаружить эту маленькую брошюру среди богатств музея, Кропоткину потребовалось, вероятно, немало труда и терпения!

Кропоткин обнаружил в музее редчайшие издания: предложение, внесенное Робеспьером от имени провинции Артуа о национальных имуществах ³¹, речи Бийо-Варенна и его брошюру «Les éléments du républicanisme» (до того неизвестную), три памфлета Бриссо, изданные в Лондоне. Занимаясь продовольственной проблемой, он нашел в коллекциях музея три тома, озаглавленных «Les subsistances», и редчайшую брошюру видного деятеля парижского демократического движения Моморо (которого, правда, Кропоткин совершенно напрасно относил к числу коммунистов) — «Opinion de Momoro sur la fixation du maximum des prix des grains dans l'universalité de la République Française». Кропоткина особенно интересовали левые — «бешеные» и те, кого он считал коммунистами (Буассель, Доливье, Ланж и др.). В Британском музее он нашел «Катехизис человеческого рода» Буасселя, неизвестное до него произведение Доливье («Le vœu national ou le système politique», 1790), брошюры Варле («Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social» и «Vœux formés par des Français libres»).

В этих упорных поисках новых источников Кропоткину оказывали содействие его друзья: М. И. Гольдсмит, переписавшая для него в Парижской национальной библиотеке брошюры Ланжа (которого Кропоткин также несомненно считал коммунистом), Дж. Гильом, бельгийский профессор Э. Нис, знаток масонства, и известный историк анархизма Макс Неттлау, который прислал ему любопытнейшую статью Буонарроти о Максимилиане Робеспьере, опубликованную в 1842 г. в Париже в необлавицистском органе «La Fraternité».

Разумеется, использовано было далеко не все. Н. И. Кареев, отдавая должное эрудиции Кропоткина, отмечал все же, что он мог бы указать десятки работ, им не использованных, в частности по экономической истории предреволюционной Франции. Но перечисленного нами совершенно достаточно, чтобы подтвердить мнение Олара:

книга Кропоткина действительно «очень серьезный» и «содержательный» труд, потребовавший от автора большой и многолетней исследовательской работы.

* * *

Отдавая должное тщательности исследования Кропоткина, следует все же отметить, что он не избежал фактических ошибок, в частности при изложении аграрных декретов Законодательного собрания. Этот вопрос как раз и послужил поводом для серьезного спора между Гильомом и Кропоткиным. Это недоразумение связано было с общей концепцией Кропоткина. Уже Кареев упрекал его в том, что «вся книга нечто вроде обвинительного акта против буржуазии» ³². Кропоткин действительно — и это его крупнейшая заслуга — разрушил целый ряд легенд старой историографии, преувеличивавшей роль буржуазии в революции, в частности в деле ликвидации феодализма. В книге было подвергнуто серьезной и обоснованной критике аграрное законодательство Учредительного и Законодательного собраний. Но в этом последнем случае Кропоткин допустил ошибку и семантического, и фактического характера. Она была сразу замечена Оларом и позднее Гильомом.

В 1911 г. в связи с итальянским переводом книги Луиджи Бертони задал Гильому ряд вопросов, вызвавших его недоумение. Запрос Бертони вынудил Гильома пересмотреть всю книгу, в особенности те главы, которые касались аграрного законодательства Законодательного собрания и Конвента в его жирондистский период. Вывод его был самый неутешительный. Еще Олар в своей рецензии указал, что Кропоткин допустил ошибку в оценке декрета, принятого Законодательным собранием 14 августа 1792 г. по предложению Франсуа де Нешато, о разделе общинных земель. Кропоткин считал, что этот декрет уничтожал общинную собственность, наносил тяжелый удар крестьянству, означал его «ограбление» (spoliation). Крестьянские протесты вынудили Законодательное собрание приостановить действие этого закона.

Гильом целиком присоединился к критике Олара: «Олар был совершенно прав, — писал он в июне 1911 г., — и в гораздо большей степени, чем я это предполагал. Ты

³² Русское богатство, 1910, № 9, с. 154.

³¹ Motion de Robespierre au nom de la province d'Artois pour la restitution des biens nationaux envahis par les seigneurs. Paris, 1791.

допустил очень много фактических ошибок, ты неправильно интерпретировал текст, не зная достаточно обстановку. На этом ошибочном основании ты водрузил целое здание» (244). Главную ошибку Кропоткина, повторявшуюся в ряде глав книги, Гильом видел в неправильной интерпретации декрета от 14 августа 1792 г.

Кропоткин считал, что декрет вводил различие между «bourgeois», которые только и получали право на участие в разделе общинных земель, и «manants», «habitants» — крестьянами, которые этого права лишались. Кропоткину этот «вероломный удар» (coup de Jarnac) показался невероятным. Он подумал даже, что в сборнике законов, изданном Даллозом³³, опубликовано неточное резюме закона. При дальнейшем изучении он убедился, что текст этого «невероятного закона» был опубликован Даллозом правильно — «это был грабеж на пользу сельской буржуазии»³⁴.

Гильом считал эту интерпретацию декрета от 14 августа 1792 г. совершенно неверной и основанной на неправильном истолковании: «Ты плохо понял и ошибочно истолковал декрет». В нем не вводилось никакого различия между «гражданами», «буржуа» и «обитателями». Цель закона состояла в том, чтобы «привлечь народ к революции». Но дело не в единичной ошибке: «Фактическая ошибка, тойбой допущенная, привела тебя к капитальной ошибке во всех твоих суждениях, а они составляют одну из основ твоей книги (потому что они повторяются во многих главах). Так как эта основа оказывается ошибочной, то разрушается целая часть здания. Эту часть книги нужно изменить, уничтожив или переделав все, что связано с этой ошибкой» (243). Гильом предлагал уничтожить или капитально переделать всю 48-ю главу книги.

Кропоткин внимательно прочитал письмо, подчеркнул в нем ряд мест. Он отверг все критические замечания. Об этом говорят и последующие письма Гильома, и характерная пометка на письме. Фразе Гильома, что декрет Франсуа имел целью «привлечь народ к революции», Кропоткин противопоставил одно слово: «буржуазию». Расхождение достаточно явное!

³³ Dalloz M. D. Jurisprudence générale du royaume. Répertoire méthodique et politique; vol. 1—44. Paris, 1845—1870, vol. 9, p. 168 et suiv.

³⁴ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 325

Через четыре дня (28 июня) Гильом послал новое письмо. Поскольку Кропоткин не согласился с его возражениями, он апеллировал к крупнейшему специалисту по гражданскому законодательству революции, Ф. Саньяку (впоследствии сменившему Олара на кафедре истории революции в Сорбонне). Саньяк вполне солидаризовался с Гильомом: «Декрет 14 августа 1792 г., принятый без какой-либо дискуссии, был в общем хорошо встречен во Франции. В тексте декрета слова «граждане» и «обитатели» означают одно и то же. То, что утверждает П. Кропоткин, не имеет никакого основания». В заключение Саньяк писал: «Таким образом точка зрения Кропоткина неверна (ne tient pas debout). Тем не менее я признаю ценность книги». «Ты видишь, — добавлял к этому Гильом, — каково мнение специалиста, и ты не можешь не задуматься над этим. Франсуа был образованным человеком, поэтом, а не юристом. Его декрет был импровизацией, а не документом, выработанным в каком-нибудь комитете» (245).

В своих письмах Гильом критиковал и другое утверждение Кропоткина: о проекте закона депутата Майля, внесенном примерно тогда же, 25 августа 1792 г., «превосходном законе», который был, однако, отклонен, а вместо него 28 августа принят другой закон, так же как и закон Франсуа, невыгодный для крестьянских масс. Гильом же утверждал, что обсуждение декрета Майля 25 августа было только отсрочено на три дня, а 28-го он был утвержден, — «декрет 28-го, который ты осуждаешь (совершенно справедливо) совершенно идентичен декрету, предложенному 25 августа Майлем и который ты хвалишь (напрасно!), полагая, что он был отклонен, в то время как он был принят» (245).

Декрет же, предложенный Франсуа, был составлен «в духе эгалитаризма». «Речь шла о том, чтобы разделить все общинные земли... между всеми деревенскими обитателями. Ты видишь, что именно так был понят декрет 14 августа» (249). Но Кропоткин был твердо убежден в противоположном, и на этой же странице гильомовского письма есть его решительное возражение: «Конечно нет» («Cert[ainement] non» — 249).

Кропоткин доказывал в своих письмах, что декрет Франсуа состоял предварительно из двух пунктов и только после дискуссии к нему был добавлен третий пункт. Гильом это отрицал: «Как это ты один знаешь о такой дискуссии, тогда как Саньяк, Олар, Жорж Буржен и я, искавшие отчет об

этой дискуссии во всех газетах, его не нашли» (249). Гильом оспаривал позицию Кропоткина и по вопросу о законе Майля: «Если бы декрет 28 августа уничтожил все последствия ордонанса 1669 г. (о праве «триажа» общинных земель.— В. Д.), к чему тогда нужен был бы июньский закон 1793 г.?». Но Кропоткин отвергал все эти критические замечания.

«Ты раздражен, — в примирительном тоне писал ему Гильом 5 июля 1911 г. — Не нужно вносить страстность, горячность; особенно не нужно вносить в этот вопрос исторической критики современные идеи, и в особенности русские дела» (250). Это Гильом подчеркнул и в конце своего письма: «Все соображения, которые ты приводишь в своем последнем письме относительно России и Думы, не имеют никакого отношения к делу» (254).

По всем спорным вопросам Гильом отстаивал свою точку зрения. Он проверил снова по «Archives parlementaires» — никакой дискуссии по проекту Франсуа не было. В его речи подчеркивалось, что общинные земли слишком часто присваиваются богачами. Пора прекратить эту несправедливость и разделить эти земли среди нуждающихся; между тем Кропоткин по-прежнему считает — Гильом цитирует его слова, — что «было бы лучше не делить общинных земель, не уничтожать старой общины». «Предложение Франсуа, — утверждал Гильом, — было принято с энтузиазмом: его разделяли все друзья революции» (251). Гильом повторил и свои возражения по поводу закона Майля: «Ты считаешь, что проект, внесенный им 25 августа, был хорош, восстанавливал все, отнятое по ордонансу 1669 г., а декрет 28 августа был в пользу сенаторов, а на самом деле это все тот же декрет, обсуждение которого было отложено на три дня».

Спор продолжался и дальше, об этом можно судить по следующему письму Гильома от 11 июля. Гильом снова упрекал Кропоткина, что он «слишком возбужден». «Ты дьявольски настойчиво защищаешься (comme un bon diable), но ты расстреливаешь свои последние патроны; «в твоём мозгу еще темно» (255). Гильом настаивал на том, что нужны не отдельные поправки, а следует «заново переписать каждую главу» (256). Правда, в одном пункте он вынужден был признать свою неправоту. Кропоткину удалось ему доказать на основании газет, что дискуссия по проекту Франсуа имела место — кстати, это лишнее доказательство научной добросовестности Кропоткина и

тщательности, с которой он изучал коллекции по истории французской революции Британского музея. Гильом вынужден был признать, что к проекту Франсуа был добавлен пункт, внесенный Мерленом, но он касался раздела пустошей (les surcuis et vacants). Существа дела это не меняет: «Смысл декрета был в том, чтобы наделить землей тех, у кого ее не было» (261). «Всю сорок восьмую главу нужно переделать до основания» (264). «От этого зависит твоя репутация как добросовестного историка» (255).

В ходе спора, однако, все более выяснялось, что речь шла не об отдельных, сравнительно второстепенных вопросах, в которых Гильом (как и Олар) был действительно прав, а Кропоткин ошибался. В основном спор шел о более важном — об оценке жирондистов и якобинцев, об одном из основных вопросов в историографии революции. Кропоткин ограничился только незначительным изменением своего текста в последующих изданиях. Он отказался от своего противопоставления «bourgeois» — «manants» (крестьянам). Он признал, что такое противопоставление имело, по-видимому, место лишь в Эльзасе. Но в основном спорном вопросе он остался на своей позиции, связанной со всей его концепцией истории Великой французской революции, именно с тем, за что так высоко оценил эту книгу В. И. Ленин. Именно на этом вопросе нам и нужно несколько подробнее остановиться.

* * *

Главная притягательная сила книги Кропоткина, главное и важнейшее ее достоинство состояли не столько в авторской увлекательности изложения, не столько в тщательной и подчас оригинальной ее документации, сколько в основной ее идее, которая настойчиво, страстно, убежденно и убедительно в ней проводилась. С полным правом эту книгу можно было бы назвать «Роль народа в Великой французской революции». Ведь именно под таким общим названием печатал Кропоткин в «Les Temps Nouveaux» свои статьи о революции.

Позднее, вспоминая о своем пребывании в Сибири, Кропоткин писал: «Путем прямого наблюдения я... понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях... И я пришел к таким же мыслям о вождах и толпе, которую высказывает Л. Н. Толстой в своем великолепном произведении „Война и мир“»²⁵.

²⁵ Кропоткин П. Записки революционера, с. 207.

Этот вопрос о роли «героев» в истории, о влиянии «критически мыслящих личностей», о соотношении «элиты» и масс является, как известно, одним из ключевых вопросов «философии истории» и в общей его постановке, и в применении к отдельным «критическим эпохам» в мировом историческом развитии, в частности и даже в особенности по отношению к Великой французской революции. Может быть никто так резко не выразил и не сформулировал полярно противоположной кропоткинской точки зрения, как знаменитый автор «Философических писем» Петр Яковлевич Чаадаев. «Как можно,— писал он А. И. Тургеневу в 1837 г.,— искать разума в толпе? Где видано, чтобы толпа была разумна? Was hat das Volk mit der Vernunft zu schaffen? ³⁶— сказал я когда-то какому-то немцу. Приехал бы к нам ваш г. Ламенне и послушал, что у нас толпа толкует, посмотрел бы я, как он тут приводил бы свой vox populi — vox dei ³⁷. По глубочайшему убеждению Чаадаева, истина возникает не из толпы, а исключительно из среды «избранных или призванных».

Едва ли Кропоткин перечитывал эти горькие строки Чаадаева, когда он размышлял над темой своего труда. Но и в его ближайшем окружении были люди, которые уже в начале XX в., за несколько лет до величайшего народного взрыва 1905 г., отстаивали со всей убежденностью по существу ту же идею, что и Чаадаев. В архиве Кропоткина сохранилась переписка с Максом Неттлау, образованнейшим человеком, лучшим знатоком биографии Бакунина, настроенным чисто по-чаадаевски ³⁸. В одном из писем Неттлау (1902) чрезвычайно скептически оценивалась роль народных масс в истории и в революциях, в частности роль крестьянских восстаний. «Во Франции,— писал он,— было множество крестьянских мятежей до Бастилии, но правительство сумело справиться с ними. Оно и дальше подавляло бы их, издевалось бы над Генеральными штатами и покончило бы со всем этим брожением при помощи

военной силы, если бы не взятие Бастилии» ³⁹. Но это событие имело, по мнению Неттлау, прежде всего моральный характер, исходило оно только от кучки революционеров, от меньшинства.

Ссылаясь на пример и других движений, Неттлау доказывал, что «народ, массы ничего не делают, как в конце концов они никогда ничего не делали ни в одной революции» (курсив наш.— В. Д.). Сначала должно произойти выступление кучки революционеров — «только после этого, на следующий день крестьяне будут жечь замки, но до этого они ничего не будут делать» ⁴⁰.

П. А. Кропоткин ответил Неттлау пространственным письмом, которое, к счастью, сохранилось и не так давно было опубликовано ⁴¹. Кропоткин категорически оспаривал взгляды Неттлау и, вновь ссылаясь на Тэн, доказывал все огромное значение крестьянских восстаний во Франции: «Если бы замки не пылали с мая 1789 г., не было бы ни взятия Бастилии в июле, ни ночи 4 августа. И утверждая это, я имею то преимущество, что на моей стороне Тэн — единственный — за исключением отчасти Кареева (который разделяет это мнение),— изучавший движения, предшествовавшие революции 14 июля («Я знаю 300 мятежей до 14-го»,— говорит Тэн, который в силу необходимости знал только небольшую часть, поскольку большинство «феодальных материалов» было сожжено). Жакерия, начавшаяся с 1788 г. и продолжавшаяся до 1793 г., шесть жакерий, о которых говорит Тэн, вот фон, на котором развивалась революция и без которого не было бы никакой революции». И здесь Кропоткин приводит такое сравнение: «Личности? Думаете ли вы, что Бакунин не стоил Дантона, а Гильом Робеспьера? Но им не хватало именно этого фона крестьянских и рабочих жакерий, чтобы стать великими историческими фигурами, как их предшественники» ⁴². И Кропоткин развивает свою центральную идею: «Мятежи всегда исходят от угнетенных, от народа. Но наступает момент, когда недовольство (всегда готовое стать активным) у народа совпадает с недовольством (кото-

³⁶ «Что общего между народом и разумом» (нем.).

³⁷ «Глас народа — глас божий» (лат.).— Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1914, т. 2, с. 300—301.

³⁸ Огромный архив Неттлау (чуть ли не 40 тыс. единиц хранения) поступил после его смерти в Амстердамский институт социальной истории. Интересно, что пессимист Неттлау был весьма оптимистически настроен лишь во время испанской революции в 30-х годах нашего века (см.: Lehning A. Necrology of M. Nettlau.— In: Lehning A. From Buonarroti to Bakunin. Leiden, 1970, p. 16—20).

³⁹ ЦГАОР, ф. 1129, оп. 2, д. 1865/11.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Novak D. Une lettre inédite de P. Kropotkine à M. Nettlau.— International Revue of Social History, Amsterdam, 1964, vol. 9, № 2. В распоряжении Новака не было ни сына Неттлау, хранящегося в Москве.

⁴² Ibid., p. 279.

рое никогда не готово стать активным) у буржуазной „интеллигенции“. Тогда начинается революция.

Жакерии, крестьянские войны, Стенька Разин, Пугачев; Милан, Триест, Лион в 1830 г. и т. д. — вот великие бунты. Но добавьте к этому давление недовольных буржуа — и вы получите революцию 1789 г.»⁴³. Революции совершает меньшинство, но первый толчок никогда не исходит из буржуазной среды. «Ваша основная ошибка, — заключает Кропоткин, — в том, что вы приписываете эволюции, совершаемой элитой, то, что было завоевано именно силой народной революции... Чтобы прийти к этому, нужно было движение масс»⁴⁴. Именно эта центральная идея — «не буржуазия, а народ сделал революцию», — выдвинутая Кропоткиным еще в 1878 г., и положена в основу всей его книги и прекрасно им обоснована.

«...*Парламентская история* революции, — пишет Кропоткин на первых же страницах своей книги, — ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях. Но *народная история* революции еще не написана. Роль *народа* — деревень и городов — в этом движении никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение *умственное* известно; но другое течение — *народное действие* — еще очень мало затронуто»⁴⁵. Между тем, как подчеркивал Кропоткин, без крестьянских восстаний, «без полной дезорганизации провинциальных деревенских властей, произведенной крестьянами, без той готовности тотчас же вооружаться и идти против королевской власти по первому зову революционеров, которую проявил народ в Париже и в других городах, все усилия буржуазии остались

⁴³ Ibid., p. 280.

⁴⁴ Ibid., p. 284. Эта идея и развита на первых же страницах книги Кропоткина: «Чтобы достичь таких крупных результатов, чтобы движение приняло размеры революции, как это было в 1648—1688 годах в Англии и в 1789—1793 во Франции, еще недостаточно было того, чтобы среди образованных классов проявилось известное идейное течение, как бы это течение ни было глубоко; недостаточно было и одних народных бунтов, как бы они ни были многочисленны и как бы широко ни распространялись. Нужно было, чтобы *революционное действие*, исходившее из народа, совпало с *движением революционной мысли*, идущим... от образованных классов. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали друг другу руку» (Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 8).

⁴⁵ Там же, с. 9.

бы, несомненно, без результата»⁴⁶. 14 июля, «не будь Парижа, не будь парижского народа, Собрание было бы ничто»⁴⁷. В октябрьские дни 1789 г. народная инициатива сыграла решающую роль, «еще раз, как и 14 июля, *народ* напором своей массы и своим сильным выступлением нанес старому порядку громовой удар»⁴⁸. 10 августа 1792 г., день падения монархии, был «днем торжества *народных* революционеров, торжества народа, получившего теперь возможность вести революцию вперед, в направлении равенства — всегдашней мечты и цели народных масс»⁴⁹.

Петр Алексеевич Кропоткин всю свою жизнь оставался противником взглядов Маркса и Энгельса, которые он, правда, плохо знал. Но эта основная идея его книги целиком и полностью совпадает с теми мыслями о Великой французской революции, которые еще в 1889 г. высказал Ф. Энгельс в своем известном письме к К. Каутскому по поводу его статей к столетию революции: «... буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; ... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу. ... без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок (*ancien régime*) неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и. ... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию...»⁵⁰.

Таким образом, в извечном споре о «героях» и «толпе» Кропоткин занимал совершенно определенную позицию. И едва ли кто-либо из историков с большей силой и убедительностью обосновывал положение, прямо противоположное чаадаевскому. Это основная идея его философии истории.

Кропоткин, конечно, понимал роль и значение в революции городских народных низов, тех, кого Энгельс — и вслед за ним советские историки — называет «городским плебсом». Но нужно признать, что больше всего его занимали крестьянские движения.

Как мы помним, еще в 70-х годах Кропоткин, мечтавший о крестьянской революции в России, с живейшим

⁴⁶ Там же, с. 17.

⁴⁷ Там же, с. 54.

⁴⁸ Там же, с. 124.

⁴⁹ Там же, с. 217.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 126.

интересом относился к крестьянским бунтам во Франции XVIII века. В своем сборнике «Хлеб и воля» Кропоткин вспоминал, что уже тогда, только еще приступив к изучению истории французской революции, он составил карту городских и особенно крестьянских восстаний в 1789—1792 гг.⁵¹ Естественно, что и в своей книге он уделил им огромное внимание: «Истинной основой революции все время оставалось крестьянское восстание, захватившее и города... Без крестьянского восстания, начавшегося зимой, усилившегося летом 1789 г. и продолжавшегося впредь до 1793 г., никогда королевский деспотизм не был бы свергнут вполне, и никогда за его свержением не последовало бы таких глубоких политических, экономических и социальных перемен, какие произошли во Франции»⁵².

Борьбе за ликвидацию феодальных повинностей Кропоткин придавал вообще огромное значение. Он видел в ней основное содержание революции и считал, что до тех пор, пока эти феодальные отношения не были уничтожены, крестьянство оставалось главной силой революции. «Восстание крестьян с целью уничтожения феодальных прав и возврата общинных земель... это, — как решительно подчеркивал Кропоткин, — *самая сущность, истинная основа Великой революции*. . . Без крестьянского движения никогда революция не получила бы того глубокого значения, какое она имела в Европе»⁵³. Блестящая монография Жоржа Лефевра «Les paysans du Nord» и ряд других его работ, исследования советских историков, в особенности Н. М. Лукина и А. В. Адо, показали всю справедливость этих утверждений Кропоткина⁵⁴.

Кареев упрекал Кропоткина в том, что его книга является «обвинительным актом» против буржуазии. Кропоткин действительно совершенно обоснованно доказал, что аграрное законодательство и Учредительного и Законодательного собраний отнюдь не привело к окончательной ликвидации феодальных повинностей, что «главный вопрос революции» — вопрос о ликвидации феодальных прав — «был разрешен только в 1793 г. после изгнания жи-

рондистов из Конвента». В этом вопросе он занимал совершенно непримиримую позицию, и именно в этом состояло его основное расхождение с Гильомом. Кропоткин здесь проявил свою добросовестность как ученый.

Как убежденный противник государственной власти и антицентралист, Кропоткин склонен был относиться к якобинцам отрицательно. В письме к одному из своих единомышленников, Гогелия, в 1904 г. он подчеркивал: «Всякая революция есть дело нескольких партий, никогда не одной. Сила Якобинского клуба во время французской революции — *легенда*, которой немцы верят еще, но французы перестали верить»⁵⁵. В своей книге Кропоткин часто характеризует якобинцев как «буржуазных государственныхников», считает, что члены клуба «вербовались в особенности (! — В. Д.) из зажиточной буржуазии» и что уже одно это обстоятельство делало для них «невозможным» руководить народной по существу революцией — они ею «не управляли». И тем не менее, когда в переписке с Гильомом возник спор об оценке жирондистов и их аграрного законодательства, Кропоткин самым решительным образом отдал предпочтение якобинцам.

«Ты знаешь, что я монтаньяр и противник жирондистов, — писал Гильом 28 июня 1911 г.⁵⁶, — но я должен признать, что задолго до 31 мая в Конвенте ставился вопрос о разделе общинных земель *между всеми*, даже батраками (les domestiques) и женщинами. Уже в январе (1793 г. — В. Д.) Фабр (из Эро), монтаньяр, был докладчиком от комитета сельского хозяйства: его доклад был внесен 8 апреля; он был бы сразу принят, если бы не споры и измена, которые парализовали Конвент и помешали ему принять даже конституцию, гораздо более важную, чем закон о разделе общинных земель» (245).

В своем следующем письме Гильом формулировал основные принципиальные возражения, и, к счастью, на этом письме имеются лапидарные, но исчерпывающе четкие пометки Кропоткина. «Победа якобинцев, — писал Гильом, — над жирондистами ускорила триумф идеи... наделения землей и всех тех, кто ее не имел (правда,

⁵¹ Кропоткин П. Хлеб и воля. М., 1922, с. 8.

⁵² Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 39.

⁵³ Там же, с. 75.

⁵⁴ См.: Лукин Н. М. Избр. труды, т. 1; Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

⁵⁵ Гапочко Л. В., Старостин Е. В. Архив П. А. и А. А. Кропоткиных. — Записки отдела рукописей ГБЛ, М., 1973, вып. 34, с. 28.

⁵⁶ В одном из своих первых писем Гильом подчеркивал: «Когда я сглянвлюсь на историческую почву 1793 г., я вместе с якобинцами против жирондистов» (26).

якобинцы не хотели давать эту землю в индивидуальную собственность. Но какое это имеет значение!) Я не собираюсь спорить об их идеях, я хочу только точно знать, каковы были эти идеи». В этом месте Кропоткин сделал замечание: «А ты их интерпретируешь, чтобы их оправдать».

Главный пункт спора Гильом излагал так: «У меня есть сомнения по одному вопросу: имелось ли в Конвенте еще до изгнания жирондистов большинство, благожелательное к пролетариям деревенских коммун?» (248). Около этой фразы есть категорическое возражение Кропоткина «Non» (нет!). Гильом же считал, что доклад Фабра (из Эро) свидетельствовал о наличии такого большинства. «Если бы декрет 10 июня (1793 г.), — спрашивал он, — был бы поставлен на голосование несколькими месяцами раньше, был бы ли он принят?» Кропоткин отвечал решительно: «Чистейшая фантазия» («Pure fantaisie!»). Гильом же придерживался другого мнения. «Я не далек от того, чтобы ответить: да, и возможно, что многие из тех, кого называют жирондистами, голосовали бы *за*. Вместе с тобой я признаю, однако, необходимость 31 мая для того, чтобы очистить Конвент от «государственных людей» и обеспечить перевес санкюлотов» (248). Но Кропоткин гораздо шире понимал значение 31 мая в развитии революции, и это видно из его замечания на письме: «Нужно было освободиться от тех, кто мешал экономическому, а также политическому законодательству» (248). Кропоткин, таким образом, категорически отрицал предположение Гильома, что жирондисты способны были бы осуществить демократическое аграрное законодательство — это было под силу только *якобинскому* Конвенту. Это свое мнение Кропоткин твердо отстаивал.

«Мы исписали столько бумаги, но не сумели договориться, — не без горечи писал Гильом 20 июля 1911 г. — Не можешь ли ты прийти к такой редакции, которая соответствовала бы исторической правде» (272). Но Кропоткин был глубоко убежден, что именно его текст вполне соответствовал исторической правде.

Упрек Гильома был все тот же: «Ты совершил многочисленные ошибки в политической оценке, вызванные тем, что, по твоему мнению, жирондисты никогда не согласились бы на раздел общинных земель и что только после 2 июня вопрос мог быть поставлен заново в пользу крестьянских масс» (261); «мы спорим... о реальных актах пар-

тий, собраний и комитетов в 1792 и 1793 гг.»; «ты еще убедишься, что ошибался, но тогда уже будет поздно» (265).

Кропоткин внес только самые незначительные изменения в свой текст. Он сохранил полностью 48-ю главу. Ее заключительный абзац и был заключительным выводом всего спора: «Только в Конвенте и то только после восстания 31 мая и изгнания из Конвента главных жирондистов вопрос об общинных землях был пересмотрен и решен в смысле, довольно благоприятном для масс крестьян»⁵⁷. Спор с Гильомом очень характерен для Кропоткина-историка. Несмотря на все свои антиякобинские предубеждения, он оставался верен объективной исторической истине.

В общем и целом это можно сказать и об его отношении к Робеспьеру. Он явно несправедлив к нему, когда пишет, что во время событий в Этампе (убийство мэра Симоно во время продовольственных волнений 1792 г.) Робеспьер «и не подумал стать на сторону тех, кто шел с народом»⁵⁸. Робеспьер как раз в своей газете «Le défenseur de la Constitution» напечатал петицию Пьера Доливье в защиту этампцев. Неточно освещает он и позицию Робеспьера при обсуждении конституции 1793 г. Теперь, когда публикуются сочинения Гракха Бабефа, мы узнали, как высоко ценил тогда «Трибун народа» выступления по этому поводу Робеспьера в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г. И все же, оценивая позицию Робеспьера накануне и во время 31 июня, Кропоткин сумел сохранить беспристрастие: «Как бы мало симпатичен ни был нам лично Робеспьер, нужно сказать, что он развивался вместе с революцией и что к страданиям народа он всегда относился сочувственно. Теперь (в мае 1793 г. — *В. Д.*)... Робеспьер открыто стал на сторону народа и революционной Коммуны города Парижа»⁵⁹.

Точно так же «антигосударственник» Кропоткин все же понял и правильно оценил значение «максимума» и государственного регулирования хлебных ресурсов. В приложении к книге он отверг возражения Е. В. Тарле и Н. И. Кареева, считавшего «максимум» мерой, «проводившейся драконовскими способами и притом часто в

⁵⁷ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 326.

⁵⁸ Там же, с. 191.

⁵⁹ Там же, с. 283.

ущерб интересам производителей»⁶⁰. Первая империалистическая война доказала неизбежность и целесообразность якобинской политики, а в последующей исторической литературе необходимость политики «максимума» была показана в прекрасной работе Альбера Матьеза «*La vie chère et le mouvement social au temps de la terreur*»⁶¹.

* * *

В одном отношении Гильом был, пожалуй, прав, когда предупреждал Кропоткина о тех трудностях, которые ожидают его при освещении наиболее критического периода в истории революции — от 31 мая 1793 г. до 9 термидора (27 июля 1794 г.). Знакомясь с первыми двумя третями книги, там, где дано освещение событий до 31 мая включительно, советский читатель и даже специалист найдет очень мало спорного или даже недостаточно выясненного — наоборот, эта часть книги поражает своей зрелостью и продуманностью. О последней части книги это сказать трудно — слишком часто в ней сказывается анархическое и подчас идеалистическое мировоззрение автора. Никак нельзя считать, что Франция была готова к коммунистической революции и что якобинцы помешали ее осуществлению, как это считает Кропоткин. Нельзя согласиться с ним — и это было совершенно правильно отмечено Н. М. Лукиным, — когда каждое проявление народной инициативы он склонен считать анархизмом и усматривает в каждой новой, революцией порожденной добровольной организации «то, что теперь проповедуется во Франции анархистами». Только предубежденностью, неприязнью к марксизму можно объяснить утверждение, что при всей неопределенности, проявлявшейся иногда «в стремлении народного коммунизма первых двух лет республики. . . он яснее понимал свои задачи и глубже доходил в своем анализе этих задач, чем современный социализм», который «решительно ничего. . . не прибавил к тем идеям, которые обращались во французском народе в 1789—1794 гг. и которые народ пытался осуществить во время II года республики»⁶².

Несомненной крупной заслугой П. А. Кропоткина был внимательный анализ левых группировок в 1793—1794 гг., в частности «бешеных», которым до него уделялось мало внимания в исторической литературе. Именно книга Кропоткина побудила такого крупнейшего знатока истории французской революции, как Н. И. Кареев, более пристально заняться изучением парижских секций, в частности секцией Гравилье и ее руководителем, вождем «бешеных» Жаком Ру. Но Кропоткин был неправ, когда оценил «бешеных» как «народное коммунистическое движение этих лет». Тщательное исследование «бешеных» и Ж. Ру советским историком Я. М. Захером и германским историком Вальтером Марковым (ГДР)⁶³, изучившим во французских архивах буквально все сохранившиеся документы о Жаке Ру — очень скудные, к несчастью — совершенно не подтвердили оценки его как «народного коммуниста». Еще меньше это определение применимо к Леклерку и Варле, который неточно был назван Кропоткиным «рабочим пропагандистом» — всех троих никак нельзя назвать «первыми провозвестниками коммунизма». Передовой демократ, «красный священник» П. Доливье коммунистом все же не был, как не был им и Моморо, и даже лионец Ланж, социальные идеи которого все еще остаются загадкой для исследователей.

Если Кропоткин преувеличивает близость всех этих деятелей к коммунизму, то он явно необъективен в оценке такого подлинного коммуниста, как Грахх Бабеф. Он считает его только «оппортунистом коммунизма тех годов. Его представления по этому вопросу, а также предлагавшиеся им способы действия клонились к измельчанию идеи»⁶⁴. По-видимому, Кропоткин в данном случае был недостаточно документирован: он не ссылается даже на книгу В. Адвиелля о Бабефе (правда, она вышла всего лишь в 300 экземплярах в издании автора). Только этим и опять-таки анархистской предубежденностью можно объяснить такое утверждение Кропоткина о Бабефе: «Вообще его представление о коммунизме было так узко и так

⁶⁰ Кареев Н. И. Новая книга по истории французской революции. — Русское богатство, 1910, № 10, с. 120.

⁶¹ См.: Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928.

⁶² Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 448.

⁶³ Захер Я. М. Движение бешеных. М., 1961; Markov W. Jacques Roux und Karl Marx. Berlin, 1965; Idem. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; Idem. Die Freiheiten des Priesters Roux. Berlin, 1967; Idem. Excursion zu J. Roux. Berlin, 1970; Roux Jacques. Scripta et acta. Textes présentés par W. Markov. Berlin, 1969.

⁶⁴ Кропоткин П. А. Великая французская революция, с. 381.

искусственно, что он мечтал дойти до него путем заговора нескольких человек, которые овладели бы правительством при помощи тайного общества. Он даже шел дальше и воображал, что единичная личность, лишь бы она обладала сильной волей, могла бы ввести коммунизм в общество и, таким образом, спасти мир»⁶⁵. Но это совершенно не соответствует действительности. Из материалов, опубликованных к Вандомскому процессу в 1796—1797 гг., легко убедиться, что Бабеф был решительнейшим противником единоличной диктатуры (над этим вопросом он, в частности, задумывался при чтении Макиавелли).

Но эти отдельные существенные замечания и возражения носят все же относительно второстепенный характер. Главным при оценке прекрасной книги Кропоткина является основная ее идея, превосходно доказанное в ней положение, что Великая французская революция была революцией народной, что не буржуазия, а народные массы играли в ней решающую роль. Именно такую оценку книги и ее места в литературе о Великой французской революции дал не кто иной, как Владимир Ильич Ленин.

* * *

Неизвестно, когда именно Ленин ознакомился с этой работой. В 1909 г., когда книга вышла на французском языке, Ленин жил в Париже и вполне возможно, что именно тогда он ее и прочитал. В 1916 г. во время войны, работая в библиотеках Берна и Невшателя, Ленин составил библиографические списки, к счастью сохранившиеся. В них много работ по истории Франции, в том числе книга Олара и немецкое издание книги Кропоткина⁶⁶. Была эта книга и в кремлевской библиотеке Ленина. Как бы то ни было, Ленин книгу прекрасно знал.

Об этом сохранилось вполне надежное и достоверное свидетельство, исходящее от друга Ленина, управляющего делами Совета Народных Комиссаров в первые годы Октябрьской революции В. Д. Бонч-Бруевича. Эти воспоминания об отношении Ленина к Кропоткину Бонч-Бруевич трижды публиковал при жизни — в 1925, 1926 и 1930 гг. (в четвертый раз они были опубликованы в сокращенном виде после его смерти), и все три раза сооб-

щение об оценке Лениным кропоткинской книги публиковалось в одной и той же редакции, с самыми ничтожными разночтениями⁶⁷.

Е. В. Старостину удалось в Дмитровском краеведческом музее обнаружить любопытнейший документ, свидетельствующий об отношении Ленина к Кропоткину. Это письмо С. Л. Мильнера, работника кооперации и внешторга, посланного Владимиром Ильичем к Кропоткину для переговоров об издании четырехтомного собрания его сочинений. Мильнер писал: «Владимир Ильич Ленин очень интересуется Вами, с глубоким вниманием и необыкновенным интересом относится к Вам и Вашим словам. Его отношение к Вам меня так поразило, что еще сейчас нахожусь под этим впечатлением. А отношение вполне искреннее, неподдельное».

В четырехтомник наряду с «Записками революционера» предполагалось включить и «Великую французскую революцию». Вот что сообщает В. Д. Бонч-Бруевич об отношении Ленина к этой книге: «Владимир Ильич относился к Петру Алексеевичу с большим уважением. Он особенно ценил его, как автора труда о Великой французской революции, подробно говорил о достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая всюду роль и значение во французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящихся классов. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал его читать и широко распространять. Он говорил, что совершенно необходимо эту книгу переиздать большим тиражом и бесплатно распространять во всех библиотеках страны»⁶⁸.

В воспоминаниях, опубликованных в 1926 г., Бонч-Бруевич передавал, что им «по просьбе Владимира Ильича... была составлена смета на отпечатание этой работы в ста тысячах экземпляров четким и ясным шрифтом, на

⁶⁷ См.: Огонек, 1926, № 13; Красная нива, 1931, № 5; Звезда, 1930, № 4, 6 (наиболее полное изложение воспоминаний, в которых приведены и все письма Кропоткина к Ленину); см. также: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 3. Воспоминания о Ленине. М., 1963, с. 399.

⁶⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 3, с. 401.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ленинский сборник, XXX, с. 266, 268.

хорошей бумаге, хорошо сшитых, в переплетах — как задал мне задачу Владимир Ильич»⁶⁹.

Вопрос о переиздании книги ставился и во время встреч Ленина с Кропоткиным⁷⁰. Предложение это было очень приятно Кропоткину, но он, исходя из своих принципов, выдвинул одно условие — книга не должна печататься в государственном издательстве Владимир Ильич согласился с этой просьбой Петра Алексеевича. Но в условиях гражданской войны этот план осуществить не удалось.

Переиздание в 1979 г. книги Кропоткина является осуществлением прямой воли и указания Владимира Ильича Ленина, так высоко и с полным на то основанием оценившего этот интереснейший труд.

⁶⁹ Огонек, 1926, № 13

⁷⁰ Старостин Е. В. О встречах В. И. Ленина и П. А. Кропоткина (К вопросу датировки) — В кн. Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.